

**«ПАПЫ ВСЯКИЕ НУЖНЫ»:
ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА
В УКРАИНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЕ**

Основная цель работы — выявление влияния транснационального семейного контекста на трансформации родительских функций мужчин в семьях украинских мигрантов с акцентом на гендерных особенностях динамики института отцовства. При этом рассматривается как выполнение отцовских функций трансмигрантами в условиях больших географических расстояний, так и вызовы в исполнении родительских функций мужьями женщин-мигранток, остающимися дома. Более узкой задачей является выявление динамики проявлений маскулинности у мужчин из украинских транснациональных семей. Аналитическим инструментом исследования трансформаций института отцовства является концепт «патриархальных дивидендов» мужчин, разновидностью которых предлагается считать «отцовские дивиденды». В работе выделяются 4 модели отцовства в транснациональных семьях: «папы-банкоматы», «папы-Питеры Пены», «папы-домохозяйки» и «отцы-Терезы».

Ключевые слова: *Украина, мигранты-мужчины, транснациональные семьи, институт отцовства, маскулинность, патриархальные дивиденды, отцовские дивиденды.*

Постановка проблемы, цель и концептуальная основа исследования

Массовая трудовая миграция из постсоветской Украины (заробитчанство) оказала существенное влияние на институт семьи, вызвав к жизни новую модель трансграничных семейных отношений — *транснациональную семью*. Вскоре после открытия государственных границ на зарубежные заработки уезжали в основном мужчины, что привело к появлению феномена транснационального отцовства (ТО), осуществляемого в трансграничном режиме. Начиная с 2000-х гг. начался процесс феминизации трудовой миграции, вынуждавший все большее количество женщин оставлять дома мужей и детей. Появились мужчины, исполняющие функции воспитателей детей и менеджеров домохозяйств на период отсутствия в семье жен-заробитчанок. Актуальность приобрела проблема семейных функций и родительских ролей мужчин, находящихся по обе стороны границ, и их ответственности за воспитание и благосостояние

Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, независимый научный эксперт (alictetol@yahoo.com)

Alissa V. Tolstokorova — PhD, Associate Professor, independent research expert (alictetol@yahoo.com)

своих детей. На остроту проблемы указывает Джейсон Прибильский, один из первых исследователей ТО (Pribilsky 2004). Он отмечает, что в большинстве работ по транснациональным семьям основное внимание уделяется опыту матерей в поддержании связей с семьей, а при изучении опыта мужчин-мигрантов акцентируются такие особенности их поведения, которые осложняют или даже препятствуют семейным отношениям. Совместные усилия женщин и мужчин в процессе создания транснационального семейного пространства зачастую игнорируются.

Обзор специальной литературы показал, что за пределами внимания исследователей оказываются проблемы мужчин, остающихся дома на хозяйстве после отъезда женщин на заработки и вынужденных исполнять неконвенциональные роли «мужей-домохозяек» (Ragheas 2005: 331). Гендерный эффект «трансгрессии норм гегемонной маскулинности» (Connell 1995) на «я-концепцию» этих мужчин остается неизученной проблемой. Это определяет **основную цель** данной работы, заключающуюся в выявлении влияния транснационального семейного контекста на трансформации родительских и семейных функций украинских мужчин с акцентом на гендерных особенностях ТО. При этом рассматривается как процесс конструирования трансмигрантами отцовской роли в условиях больших географических расстояний, так и вызовы в исполнении родительских функций мужьями женщин-мигранток, остающимися дома.

Транснациональная семья определяется нами как модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз»* ее мобильных членов, существующий на основе трансграничных отношений, когда один или более членов семьи работают за рубежом, но поддерживают регулярные родственные связи с родными, оставшимися дома, исполняют свои семейные и родительские функции и дистантно участвуют в ведении домохозяйства (см. Толстокорова 2013а: 102). С этой точки зрения не все семьи мигрантов являются транснациональными, поскольку к последней категории относятся лишь те из них, в которых отъезд одного из членов на заработки приводит не к ослаблению или отмиранию родственных связей, а к их переформатированию на основе трансграничных отношений. Подобные родственные союзы также называют «мировыми семьями» (Beck, Beck-Gernsheim 2013), подразумевая отношения, основанные на любви и интимности между индивидами, проживающими или происходящими из разных стран или континентов. При всем разнообразии форм эти семьи имеют одно общее качество: они являются фокальными точками, в которых различные аспекты глобализованного мира получают воплощение в личной жизни индивидов.

---

* Понятие «воображаемое сообщество» (imagined community) было предложено и разработано Бенедиктом Андерсоном (Anderson 1991) преимущественно в применении к нации. В данном тексте этот термин переведен автором как «воображаемый союз», поскольку он представляется более приемлемым по отношению к семье.

Исходной теоретической посылкой исследования является представление об отцовстве как о наиболее изменчивом, проблематичном и универсальном аспекте маскулинности, соотносимом как с социальным институтом отцовства (fatherhood), так и с конкретными отцовскими практиками (fathering) и мужской идентичностью, включая образ Я (Кон 2006). **Практическая задача** исследования состоит в выявлении динамики проявлений маскулинности у мужчин из семей украинских мигрантов. **Аналитическим инструментом** исследования трансформаций института отцовства в условиях транснационализма является концепт «патриархальных дивидендов» (ПД) мужчин (Greig et al. 2000: 7): право на достоинство, престиж, руководящие позиции и материальные преимущества, которые в традиционном обществе мужчины получают по праву рождения (Connell 1995: 82). Для целей исследования представляется целесообразным введение понятия «отцовских дивидендов» (ОД) как производного от концепта ПД. Под ОД предлагаем понимать разновидность ПД в виде социальных преимуществ, повышения социального статуса и улучшения эмоционального благополучия мужчин благодаря их отцовскому статусу на фоне минимального вклада в процесс воспитания детей, традиционный для патриархального общества*.

Методология исследования: Данная работа основана на результатах анализа вторичных теоретических источников и обзора материалов прессы, а также полевого исследования, включавшего глубинные интервью и дискуссию в фокус-группе с 25 украинскими экспертами; полужурналистские интервью и два обсуждения в фокус-группах с 43 мигрантами и членами их семей (31 женщина и 12 мужчин); включенное и невключенное наблюдение за целевой группой исследования**.

Папы-банкоматы: влияние трансграничности на институт отцовства в условиях миграции

Социологи семьи утверждают, что мужчина проявляет себя как субъект активного действия в отцовской роли, не только выполняя свои ролевые функции, но и наполняя семейные отношения чувствами любви, доверия и заботы (Гурко 2008: 106). Однако в условиях фрагментированности транснационального семейного пространства мигрантов построение интимных семейных отношений затрудняется. Как показали интервью, несмотря на относительную нормативность эффекта «отсутствующего отца» в семье с целью ее финансово-

---

* По отношению к мужчинам-мигрантам ОД можно рассматривать и как разновидность «социальных дивидендов миграции», определяемых как прибавочная стоимость миграционного опыта в форме индивидуальных нефинансовых накоплений мигрантов, используемых ими в целях личного развития и благополучия, в частности таких разновидностей капитала, как социальный, этический, культурно-эстетический, образовательный, гражданский, лингвистический и т. д. (см. Толстокурова 2013б).

** Подробнее о методологии проекта и его результатах см. (Толстокурова 2013а; 2013б; 2013в).

го обеспечения (см. Рагейнас 2008), «отцовство на расстоянии» является вызовом для мужчин. Необходимость расставания с детьми может тяжело сказываться на их отцовских чувствах: *«Для меня что было важно: дать образование детям и справиться со своим “эго”. <...>. Расставаться детьми было тяжело, очень тяжело. Ну а что? Разве я не понимаю? Дети должны быть с мамой, им мама нужна. Папа тоже нужен, но мама — это главное. Дети есть дети. Я отец и должен смириться»* (Денис, психолог, преподаватель вуза, ездил на заработки разнорабочим в Москву).

Это согласуется с наблюдением, что поддержание интимных отношений с оставшейся дома семьей является для мужчин даже большим вызовом, чем для женщин, поскольку им сложнее адаптировать свою отцовскую роль к условиям дистантного родительства (Рагейнас 2008). Хотя их эмоциональные переживания редко предаются огласке, мужчины, безусловно, также страдают, а их стратегии эмоциональной защиты могут иметь даже более самодеструктивный эффект, чем у транснациональных матерей (Carlin et al. 2012: 195). Однако в силу распространенного в обществе гендерного стереотипа мужчины как сильного, заботящегося о семье человека, который по умолчанию не может быть пострадавшим, мужчины не хотят признавать себя такими и остаются один на один с проблемами, проявляющимися в депрессиях, конфликтах, зависимостях и т. п. (Климчук 2011: 22; ИОМ 2008: 11). Чаще всего эмоциональное напряжение и одиночество из-за удаленности от семьи, психологические комплексы по причине несоответствия принятым нормам маскулинности получают выход в злоупотреблении алкоголем и неупорядоченных половых связях (Worby, Organista 2007; Schmalzbauer 2005). Украинский психолог прокомментировал это так: *«Семейные проблемы появились абсолютно у всех заробитчан, которые ко мне обращались. А страдают больше, как ни удивительно, мужчины, причем те, кто уехал. Доходит вплоть до психозов и депрессий. У женщин все проявляется более завуалированно. К тому же переживания однозначно сильнее у тех, кто дольше прожил в браке»* (Мичко 2011).

Таким образом, в условиях миграции существует возможность «обратной конвертации» или даже нивелирования ПД транснациональных отцов, поскольку предоставляемые ими преимущества налагают на них соответствующие обязательства перед семьей, детьми и обществом, что может требовать строгого ранжирования жизненных приоритетов и ограничения личных потребностей. Пример тому — вышеупомянутый Денис, преподаватель вуза и отец двоих детей, ездивший на заработки разнорабочим в Москву, чтобы иметь возможность помогать бывшей супруге содержать детей. В России он познакомился с девушкой, на которой собирался жениться, однако был вынужден отказаться от личной жизни ради благополучия детей: *«...Надо было у жены [взять] согласие на развод. Так не дала! Отказалась. Не захотела, чтобы я снова женился. Хотя мы с ней уже много лет не живем, у нее другой мужчина. Ей же главное — алименты»* (Денис, психолог).

Полевое исследование предоставило примеры и обратного эффекта, когда благодаря миграции мужчины начинали больше ценить свое отцовство и про-

являть заботу о детях, выстраивая с ними трансграничные отношения. Так, бывшая жена мигранта в Италии Юлия рассказала историю взаимоотношений своего экс-супруга с дочерью. Семья распалась, когда девочка была еще грудным ребенком. После развода отец не интересовался ребенком, не поддерживал отношений с семьей, и девочка знала его лишь по фотографиям. Но когда ей исполнилось тринадцать лет, отец вдруг вспомнил о дочери и предложил скромную финансовую помощь. К тому времени он уже долго работал в Италии, где прилично зарабатывал и мог позволить себе финансово поддерживать дочь. Он стал периодически звонить ей по телефону, поздравлял с днем рождения и другими праздниками. Мать девочки была удивлена таким неожиданным «пробуждением» отцовских чувств, предполагая, что одиночество и эмоциональный дефицит мужчины, проживающего на чужбине без семьи, на фоне упрочения финансового статуса и социального благополучия благодаря миграции могли способствовать восстановлению отцовской привязанности. Как бы то ни было, именно повышение экономического статуса благодаря трудовой миграции побудило отца к возобновлению отношений с дочерью в трансграничном режиме, а девочка получила отцовское внимание, которого раньше не имела. Таким образом, в данном случае миграционный опыт способствовал восстановлению традиционной мужской роли «добытчика» и «кормильца», что послужило механизмом интенсификации отцовской роли. Этот пример служит свидетельством того, что миграция и транснационализм могут выступать факторами, способствующими повышению ОД и укреплению института отцовства в семьях мигрантов, даже в условиях их фактического распада.

Между тем в интервью мужчин неоднократно звучала тема «девальвации отцовского авторитета» в результате утраты статуса кормильца семьи, что часто становилось стимулом к трудовой миграции. Именно этот фактор заставил информанта Олега отправиться на поиски трудоустройства в Западной Европе, чтобы обеспечить достойное детство маленькой дочери: *«Почему уехал, что побудило? А что может побудить, когда денег ни шиша, даже чтобы ребенку конфету купить? Вот это и побудило. Ну, в общем, пошел я с дочкой прогуляться по Днепровскому [проспекту]. Как раз выходной был. Ну, идем, а там лоток стоит — эти, бананасы. Там же как написано? По-ихнему: ba-na-nás. Это ж тогда еще, бананасы — ты что! Невидаль такая! Ну, доча мне, само собой: «Папа, купи бананчик». Оба-на! А у папы денег только на автобус, домой добраться. Стыдобина! У меня, взрослого мужика, я слесарь 6-го разряда, а денег нет ребенку банан купить! Я тогда, я себе сказал: все, пора с этим завязывать. Дальше так продолжаться не может. Я готов на все, но больше это не повторится, чего бы мне это ни стоило».*

Тема заботы о детях неоднократно звучала в рассказах мужчин в качестве стимула, дающего силы для преодоления трудностей и превратностей миграционного цикла. Сергей, одинокий отец 17-летней дочери, работавший в строительном секторе Москвы, рассказал, как в день выплаты зарплаты группа рабочих, возвращавшихся в бараки, попала в облаву полиции, конфисковавшей у гастарбайтеров весь их заработок: *«Я ему говорю: брат, ну будь*

человеком, оставь хоть немного. Я же не о себе пекусь, у меня дома дочка, 17 лет, одна дома осталась. Ей же нужно на что-то жить, а как она без моих денег? А он: “А кто тебе сказал, что у меня дочери нет? Мне тоже дочку кормить надо. Короче, гони бабки!”»

Тем не менее, как свидетельствуют данное и другие исследования, жертвенность мужчин «во благо детей» не всегда ценится по достоинству их отпрысками, поскольку трудовая миграция родителей нередко порождает явление «социального паразитизма» среди молодежи, ведущей обеспеченную привольную жизнь на деньги, присылаемые из-за рубежа. Юные «рантье» не видят трудностей, которые приходится преодолевать отцам на чужбине, чтобы обеспечить им достойный уровень жизни. Денежные трансферты из-за границы заменяют детям родителей, ассоциирующихся у них с «денежными мешками» и «домашними банкоматами», выдающими денежные купюры, а миграция — с легкими деньгами и *dolce vita*. Таким образом, преимущества ОД мигрантов-мужчин существенно снижаются по причине больших географических расстояний, препятствующих возможности поддерживать близкий эмоциональный контакт и отцовский авторитет в отношениях с детьми.

Хотя многие мужчины рассказывали о необходимости противостоять многочисленным рискам, вызовам и депривациям в процессе миграции, они указывали, что этот опыт был важным для их самоидентификации. Вышеупомянутый Олег, долго скитавшийся в поисках работы по городам Западной Европы, рассказал, что во время странствий ему приходилось голодать, питаться объедками, ночевать на скамейке в парке, во дворе церкви и даже в камере каталажки. По его словам, невзгоды и превратности мигрантской жизни закалили его характер, позволили приобрести навыки выживания и преодоления трудностей, необходимые в борьбе «за место под солнцем». Это обеспечило успех в поиске трудоустройства. После долгих скитаний по Европе он нашел высокооплачиваемую работу в Австралии, перевез туда семью и доволен своим положением. Благополучие ребенка звучало как основной лейтмотив его интервью, а особенной гордостью было то, что в результате своих мытарств он смог обеспечить дочери возможность получить высшее образование в Сиднее и найти высокооплачиваемую работу квалифицированного специалиста. Это свидетельствует о том, что, несмотря на все риски, мигрантскость может способствовать усилению «аутентичной маскулинности» украинских мужчин и повышению их гендерной самооценки.

«Девальвация маскулинности»

в транснациональных семьях украинских женщин-мигранток

Социологические опросы украинских заробитчанок показывают, что в Италии на момент опроса из общего числа респонденток в браке состояли 64,4 % (Городецкий, Шегда 2003), а в Польше доля замужних или состоящих в неформальных супружеских отношениях мигранток составила 40,8 % (37,3% и 3,5% соответственно) (Kaczmarczyk 2013: 16). То есть значительное количество женщин имеют мужей, многие из которых тоже работают за рубежом,

но немало и тех, кто остается дома и принимает на себя ответственность за семью и детей: 26 % детей из транснациональных семей остаются дома под опекой отцов (Проблеми дітей... 2006: 6)*. Как отметила одна информантка: «У нас тут на юге, особенно в маленьких городишках, где-то около 40 % мужиков, у которых жены на заработках, сидят дома, занимаются хозяйством. А на западе таких еще больше. Не меньше половины таких. А вот сестра моя живет в Молдавии, так говорит, что у них не меньше 70 % мужчин живут на деньги своих жен» (Вера, мать мигранта в России).

Проведенное полевое исследование позволило выделить три основные модели отцовства, практикуемые остающимися дома мужьями мигранток:

Папы «Питеры Пены»

Исследование показало, что мужья мигранток зачастую пользуются тем, что их жены принимают на себя обязанности единственных кормилиц семей. Это позволяет мужчинам перекладывать на них все бремя ответственности за обеспечение семьи. Некоторые перестают работать и живут на деньги, присылаемые супругами из-за рубежа. Об этом сообщали на круглом столе «Солидарность в бедности», проведенном в апреле 2010 г. во Львове, эксперты из западных областей Украины, где отток женщин на заработки особенно высок**. Так, Президент Института религии общества, проректор по предназначению и миссии Украинского католического университета Мирослав Маринович сообщил: «Общаясь с семьями тех, чьи жены выехали за границу на заработки, я столкнулся с тем фактом, что есть целый ряд мужчин, я знаю об этом лично, которые принципиально не хотят работать. Для них предложение белить дома, ремонтировать потолки является унижительным. Хотя они себя субъективно декларируют бедными, говорят, что безработные, бедные, и у них тяжелая жизнь. Тем не менее, когда предлагаешь поработать за 2-3 тыс. грн. во Львове, они не хотят.» (Українцям слід подолати... 2010).

Аналитик «Западной аналитической группы» Орест Друль прокомментировал слова М. Мариновича так: «Сравниваются усилия, которые надо затрачивать, чтобы заработать, с деньгами, которые приходят из-за границы без всяких усилий. И любая работа оказывается более тяжелой, чем просто сидеть и ждать те деньги. Это очень сильный экономический стимул, чтобы не работать.» (Українцям слід подолати... 2010).

---

* Как показали результаты указанного исследования, на время отсутствия одного или обоих родителей воспитанием детей мигрантов чаще всего занимаются женщины: 44 % детей проживали с матерью, 35 % — с бабушкой, 14 % — с сестрой, но мужчины также делят эту ответственность: 12 % детей проживали с братом, 10 % — с дедушкой, 5 % — с тетей или дядей (Проблеми дітей... 2006: 6).

** По данным статистики, в Закарпатской области в трудовую миграцию вовлечено 41,9 % населения, из которых 56,1 % составляют мужчины и 43,9 % — женщины (Кичак 2011). В Тернопольской области опыт зарубежных заработков имеют 17,6 % экономически активного населения, из которых женщины составляют 51,4 %, а в самом Тернополе 62,5 % (Шушпанов 2009).

Считаем, что эти данные свидетельствует об «изменении природы маскулинности» у мужей и сыновей мигранток. Примером тому являются материалы прессы, демонстрирующие новую тенденцию в хозяйственной жизни западно-украинского экономического региона, который всегда характеризовался избытком рабочей силы (см. Чернинська 2007). До 2006 г. проблема безработицы стояла там весьма остро и администрация прикладывала значительные усилия для развития производства в этом регионе. Когда же необходимые средства были, наконец, получены, обнаружилась проблема недостатка трудовой силы именно в районах традиционного дефицита рабочих мест. Общественные слушания, проведенные среди жителей сел работодателями и представителями властей, показали, что мужчины трудоспособного возраста отказывались от работы по месту жительства даже за оплату, превышавшую средний уровень доходов в столице, где уровень жизни значительно выше. Мужчины не желали работать, поскольку получали от своих жен из-за границы суммы, значительно превышающие зарплаты, предлагавшиеся работодателями. Это подтверждали наши эксперты: *«Например, я уже вам говорила о Тернополе. Это область с самым низким уровнем зарплат и самым высоким уровнем безработицы и миграции. Тем не менее, по данным представителей центров занятости, мужчины отказываются от рабочих мест, которые они им предлагают, потому что получают значительно больше от своих жен, которые работают в Италии»* (Эксперт по вопросам миграции государственного научного центра).

Проблема иждивенчества мужей мигранток проявляется и в других регионах Украины. Жительница Херсонской области Валерия рассказала, что когда она работала домработницей в Греции и на Кипре, ее муж оставил работу и безбедно жил на средства, присылаемые женой из-за границы: *«Я вообще-то сама курю, но когда там работала, это удовольствие позволить себе могла нечасто. Если изредка что и покупала — то что-нибудь попроще, ну, подешевле. Очень страдала от этого. А он тут себе не хухры-мухры — каждый день пачка сигарет, то «Dunhill», а то чего и подороже. Если куда-то в город идет — мимо бара никогда не пройдет: “А что, мне уже и рюмочку коньячку нельзя выпить?” Я в шоке. Я уже не говорю, что у него тут от баб проходу не было. Он мне: “А что ты хочешь? Одинокий мужик, ничего удивительного”. Мне соседки уже все уши прожужжали. Но я на это смотрю спокойно. Бог с ним!»*.

Более того, в интервью с мигрантками и с экспертами звучали истории женщин, которые, вернувшись домой, узнавали, что их мужья не только нашли себе других женщин и создали новые семьи, но и выставили за дверь собственных отпрысков, ставших «детьми улицы». Как следует из рассказа Ольги, подобной безответственностью и социальным инфантилизмом страдают также взрослые сыновья заробитчанок: *«Вы знаете, так обидно, я же каждую копейку берегла, пока там работала, все откладывала, чтобы детям домой отослать. Иногда девчонки наши зовут: “Давай, мол, в кафе сходим, посидим, расслабимся”. Где там! Все для детей. А приехала домой, смотрю, сын на занятия в университет — только на такси. Вечером — друзья, бары, пиво.... Оказывается, растрынкал все деньги, что я высылала, да еще и назанимал. А потом приходит ко мне и говорит: “Мать, дай денег, мне нужно долг отдать, а то у меня будут серьезные*

неприятности». Пришлось мне выкладывать все, что я там заработала, чтобы вытащить сына» (Ольга, главный инженер коммунального предприятия, работала уборщицей в Москве).

Как видим, у мужей и сыновей мигранток налицо «синдром Питера Пена» (Kiley 1984), проявляющийся в нежелании (или неумении) взрослых мужчин и отцов семейств брать на себя ответственность за свои семьи и остающихся во социальном плане «вечными мальчиками». Следует отметить, что симптомы этого социального недуга наблюдаются во многих государствах — донорах женской трудовой силы, где остающиеся дома мужья мигранток зачастую перестают работать и живут на средства, присылаемые женщинами из-за рубежа, либо продолжают работать, но перестают вкладывать свою долю в семейный бюджет, тратя заработанное исключительно на себя (см. UN-INSTRAW 2006). Эта тенденция показательна в том смысле, что мужчины публично демонстрируют отказ от патриархальных ценностей, открыто признавая жен в качестве кормилиц семей и считая функцию ведения домашнего хозяйства и воспитания детей социально-удовлетворительной для себя. Многие мужья украинских мигранток заняты в необременительной сфере мелкой коммерции, где выполняют функции исполнительных менеджеров бизнеса, владельцами и инвесторами которого являются их жены. Согласно инверсированному «гендерному контракту» семейного бизнеса, они занимают в нем подчиненное положение исполнительных работников (Чернинська 2007). То есть мужчины могут легко жертвовать своими ПД, если это сулит материально-финансовые дивиденды и комфортные условия жизни, однако при условии, что жен нет дома.

В ходе невовлеченного наблюдения в одном из городов Тернопольской области представители службы детей и семьи госадминистрации сообщили, что в местном суде часто рассматриваются иски заробитчанок, пытающихся в судебном порядке лишиться родительских прав своих экс-мужей, не справляющихся с родительскими обязанностями по причине алкоголизма и других форм асоциальности. Отцы зачастую отказываются давать детям разрешения на выезд за границу с матерями даже на летние каникулы, шантажируя бывших жен требованиями выплаты денежных компенсаций за отказ от родительских прав на детей или за возможность увезти ребенка в страну трудоустройства. О подобном случае поведала программа «Личное дело», прошедшая в январе 2011 г. на канале «1+1» украинского телевидения. В ней шла речь о 10-летнем мальчике, мать которого работала в Италии, отец — в Германии, а он сам жил с бабушкой в Украине. Отец не участвовал в воспитании ребенка, не платил алименты на его содержание, но его разрешение потребовалось, когда мать решила увезти сына с собой в Италию. Вот тогда-то отец, забывший о своих родительских обязанностях, вспомнил об отцовских правах и потребовал от женщины выкуп за отказ от них в размере 10 тыс. евро. У мигрантки-домработницы не было такой суммы, и она смогла заплатить лишь часть «отступных», за что было жестоко избита экс-супругом и не смогла забрать сына с собой в Италию. В результате мальчик остался без финансовой поддержки как от родителей, так и от государства. Эта жизненная коллизия является классическим примером того, как

мужчины зарабатывают на женской миграции свои ОД, пренебрегая при этом интересами собственных детей.

Таким образом, в данной категории семей с «активно-отвергающими отцами» (Безрукова 2013: 126) происходит перераспределение традиционного гендерного контракта, сопровождающееся усилением нагрузки на мигранток как матерей и жен и сокращением вклада в воспитание детей со стороны отцов. Украинские исследователи отмечают, что такие трансформации ролевых моделей в семьях мигранток сказываются на взаимоотношениях женщин с детьми и мужьями, которые зачастую отчуждаются (Химович 2008: 363). При этом отцы, отказывающиеся нести ответственность за судьбу собственных детей, получают свои ОД в буквальном финансовом выражении.

В то же время отмечаются тревожные симптомы социальной фрустрации и дезадаптации мужей мигранток и одиноких мужчин из сельской местности с высоким уровнем оттока женщин. В условиях дефицита женского участия в жизни семьи и общины многие из них не могут найти себе применения, наладить достойный быт и досуг. Не имея стимула к трудоустройству и активной жизненной позиции, мужчины начинают вести асоциальный образ жизни, злоупотребляют алкоголем, наркотиками, неупорядоченными половыми связями, что негативно сказывается на эмоциональном, физическом и репродуктивном здоровье, ведет к повышенной смертности. В интервью неоднократно звучали истории мужей мигранток, получавших из-за рубежа солидные средства, обеспечивавшие им обеспеченный, комфортный быт, но не сумевших адаптироваться к роли вынужденных холостяков и «спившихся» за время отсутствия жен. По мнению специалистов, подобные психологические коллизии мужчин, как правило, вызваны трансформацией традиционных гендерных ролевых моделей в транснациональных семьях: «Испокон веков кормильцами в украинских семьях были мужчины, поэтому если в современных условиях это не так, то у представителей сильного пола происходит чрезвычайно мучительная “ломка” основных психологических стереотипов. “Кормильцем могу быть только я!” — это у мужчин как гвоздь в мозгу, поэтому они уже на уровне подсознания начинают относиться к женам враждебно, обвиняя их во всех смертных грехах. Пьянки-гулянки на деньги, которые высылают жена, — это тоже своеобразное проявление приобретенного комплекса неполноценности» (Мичко 2011).

Это дает основания говорить об эффекте «девальвации маскулинности» в данной категории семей женщин-мигранток. Следует отметить, что социальная дезадаптация мужчин в регионах с превалированием мужского населения по причине оттока женщин на заработки за рубеж несет в себе угрозу повышения социальной напряженности с непредсказуемыми социальными последствиями для Украины и ее соседей. На потенциальную взрывоопасность гендерного дисбаланса в демографической структуре общества в пользу мужчин указывалось в докладе ООН за 2012 г., посвященном проблеме гендерных диспропорций населения азиатских стран. Специалисты высказывали опасения, что преобладание одиноких мужчин в структуре населения может вести к дестабилизации, проявлениям насилия, распространению милитаристских и анти-

правительственных настроений (Носырев 2012; Хвистендаль 2012). В этой связи не удивительно, что еще в 2012 г. в Украине отмечались случаи «массовой скупки оружия для нападения на органы власти» (Меньшова 2012). Это могло сыграть свою роль в событиях Евромайдана 2013–2014 гг. и является еще одним индикатором трансформаций маскулинности в Украине под влиянием миграционного процесса.

Папы-домохозяйки

Как показывают исследования, инверсии гендерных ролевых моделей, проявляющиеся в семьях мигранток, свойственны даже тем из них, в которых мужья сопровождают жен в поездках на заработки. Это вызвано тем, что сверхзанятость женщин в условиях миграционного трудоустройства заставляет их делегировать мужчинам традиционную роль ответственности за благоустройство быта и воспитание детей, как в случае азербайджанской мигрантки, работающей в России: *«Муж не работает, сидит дома. У меня два сына, пусть этим занимается мужчина, тут мало ли что, и наркотики, и все, нельзя одних отпустить до восемнадцати лет. Муж готовит еду. Он у меня как домохозяйка (смеется)» (Рубина) (Бредникова, Ткач 2010: 83).*

Как видим, мужья мигранток могут успешно исполнять обязанности социальной репродукции и справляются со своими новыми ролями «пап-домохозяек», что свидетельствует о трансформации института отцовства в направлении феминизации семейных гендерных ролей этой категории отцов из ТС. Это подтверждали информантки: *«Когда узнала, что есть возможность заработать, я решила, что должна ехать. Понимаете, я не боялась оставлять детей на мужа, потому что знала, что хоть он и не идеальный муж, но хороший отец, и мои мальчишки его любят и слушаются его. И сейчас я знаю, что дети ухожены и все мои мужики хорошо ладят друг с другом. Так что вот сейчас еду домой и ищу мужу подарок. Хочу отблагодарить его за то, что он хороший отец моим детям» (Анастасия, работница сферы услуг во Франции).*

Респондентка Ирина рассказала, что, уезжая на работу в Польшу, доверила двухлетнего сына заботам своей матери, однако той было сложно сочетать работу с воспитанием малыша. Ирине пришлось вернуться домой, но ее доходов не хватало на жизнь, и вскоре возникла необходимость снова ехать на заработки. Возник вопрос о том, на кого оставить ребенка в этот раз, и женщина была вынуждена обратиться к бывшему супругу. Хотя у мужчины уже была другая семья, он согласился взять на себя ответственность за сына, что, со слов женщины, «развязало ей руки» и она смогла уехать на заработки в Грецию.

Однако так удачно вопрос решается не у всех: у 34 % детей матерей-одиночек дети остаются дома без присмотра (Социальне обличчя... 2003). То есть перераспределение гендерных ролевых моделей в семьях украинских мигрантов не является типичным явлением. Кроме того, оно имеет временный характер, поскольку многие мужья надеются, что после возвращения женщин с заработков они смогут вернуться к своей обычной роли добытчиков, а жены снова будут выполнять всю домашнюю работу. Поэтому не удивительно, что ролевые

трансформации если и наблюдаются, то главным образом в тех транснациональных семьях, где на заработки уезжает жена и мать, и лишь на период ее отсутствия, т. к. предполагается, что после ее возвращения домой традиционный гендерный контракт в семье будет восстановлен. Следовательно, гендерный эффект женской трудовой миграции на отцовский статус украинских мужчин имеет краткосрочный характер и не ведет к существенным трансформациям в институте отцовства как таковом, поскольку мужчины готовы участвовать в «активном отцовстве» (Wall, Arnold, 2007) и исполнять традиционно женские роли лишь условно и временно. Это следует из обсуждения на фокус-группе со львовскими экспертами:

«Эксперт: У меня есть брат, который воспитывал двух мальчиков подросткового возраста на протяжении двух лет, пока его жена работала в Италии. И это не было для него проблемой. Все было нормально.

Интервьюер: А когда она вернулась домой, изменилось ли что-нибудь в их отношениях?

Эксперт: Когда она вернулась домой, все вернулось на круги своя. Все, ты теперь дома! Добро пожаловать назад в Украину!» (Юрист женской неправительственной организации, занимающейся вопросами женской миграции).

Причем эксперты указывали на нетипичность ситуаций, когда мужа мигранток принимают на себя полную ответственность за семью и детей:

«Интервьюер: В Италии активно обсуждается такой вопрос: когда женщина уезжает на заработки, а мужчина остается дома, тогда муж выполняет всю домашнюю работу, включая работу по уходу и воспитанию детей. То есть, когда женщина уезжает, если она не разведена, и ее муж начинает делать всю работу по дому, влияет ли это на изменение гендерных ролей, как вы думаете?

Эксперт: Думаю, что в некоторых случаях это действительно может быть так, но не думаю, что это типичная ситуация. Как показало исследование, проведенное «Ла Страда-Украина», чаще всего дети остаются не на попечении отцов, а под опекой бабушек, тетей, старших сестер. А у мужчин остается одна проблема — пьянство и безделье» (Руководитель женской неправительственной организации, занимающейся вопросами женской миграции).

Однако материалы прессы и результаты интервью свидетельствуют о том, что мужчины в транснациональных семьях страдают не только от «безделья», но и «от унижения в результате отсутствия возможностей для обеспечения семьи, условий для самореализации и приложения своих сил, конкретных обязанностей, а иногда и от перфекционизма» («Итальянский синдром»... 2010). Это является еще одним свидетельством тенденции к «девальвации маскулинности» в семьях украинских мигранток.

«Отцы Терезы»

Интервью показали, что в результате массового выезда женщин на заработки за рубеж в транснациональных семьях появилась совершенно новая, хотя немногочисленная, категория отцов, воспитывающих детей, родившихся у их жен во время работы за границей. Информантки упоминали о семьях, в которых оставшиеся дома мужа воспитывали даже нескольких приемных

детей, появившихся на свет после отъезда их жен на заработки. Обзор материалов прессы также свидетельствует о том, что случаи рождения мигрантками детей за пределами государства нередки, а за период массового выезда женщин на заработки они начали регистрироваться все чаще (Понуркевич 2004). Ответственность за воспитание этих малышей, как правило, ложится на плечи бабушек и дедушек, но мужья также принимают участие. В одном из теле-репортажей о жизни семей мигрантов прозвучала трагическая история супружеской пары, в которой заробитчанка родила внебрачного ребенка и решила избавиться от него, подбросив в другую семью. Однако личность матери была установлена и она была осуждена за отказ от выполнения родительских обязанностей. Узнав об этом, ее муж ходатайствовал перед судом о помиловании жены и предложил усыновить ее ребенка. Свой нестандартный поступок он объяснил тем, что не хотел, чтобы его собственные дети лишились матери, которая была единственной кормилицей в семье и выполняла свои родительские обязанности добросовестно и ответственно, совершив необдуманый проступок не от хорошей жизни, а в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств и из чувства вины перед семьей и детьми. Как видим, ОД в данной ситуации получили неожиданное преломление, поскольку, усыновив чужого ребенка для сохранения благосостояния и репутации своей семьи и детей, мужчина, с одной стороны, укрепил свой отцовский статус, а с другой стороны — пожертвовал собственными ПД, взяв на себя ответственность за его воспитание.

Заключение

Проведенное исследование показало, что массовая трудовая миграция из Украины и возникновение феномена транснациональных семей приводит к существенным трансформациям института отцовства. Это особенно характерно для домохозяйств, в которых женщины уезжают на заработки за рубеж самостоятельно, без семьи. Однако обзор вторичных теоретических источников засвидетельствовал, что эта проблема пока не нашла отражения ни в украинской, ни в зарубежной научной литературе по вопросам миграции, рассматривающей мигранта-мужчину прежде всего в качестве мобильной рабочей силы и «экономического человека», позиционируемого как «бесполое существо» (Hibbins, Pease 2009: 5) с размытой мужской идентичностью на фоне ригидных гендерных функций. Субъективный опыт гастарбайтеров мужского пола и его гендерные особенности, особенно с точки зрения социальной репродукции и влияния на институт отцовства, еще не получили освещения в миграционных исследованиях. Кричащие проблемы мужей, остающихся дома на хозяйстве после отъезда жен на заработки и принимающих на себя ответственность за воспитание детей, как и эмоциональные, психологические, матримониальные, бытовые и финансовые коллизии в их взаимоотношениях с финансово независимыми «заочными женами», представляют собой незаполненную лауну не только в постсоветской, но и в международной миграциологии.

Между тем данное исследование показало, что трансформации института отцовства в транснациональных семьях оказывают влияние на «статус маску-

линности» и ПД украинских мужчин. В частности, наблюдается формирование категории «новых отцов» (Coltrane, Allan 1994; Сизова 2012) и изменение парадигмы отцовства, динамика которой развивается в нескольких направлениях. С одной стороны, открытие границ и возобновление права на свободное передвижение после распада СССР вызвали появление категории мужчин, поддерживающих отношения с семьей и детьми на расстоянии. Выявленные особенности данной модели трансграничного отцовства показывают, что гендерный императив «кормильца семьи», доминирующий в патриархальном обществе, вынуждает мужчин-мигрантов жертвовать своим здоровьем, физическим комфортом и эмоциональным благополучием, а иногда и жизнью, что свидетельствует о нивелировании их ПД. В то же время, процесс «дефамилии» (Lister 1997) в результате отчуждения от семьи сказывается на них еще тяжелее, чем на женщинах. Это ставит под сомнение представление о мужчине как об эмоционально автономном индивиде, независимом от отношений семейной интимности, но подтверждает доминирующую гендерную природу разделения труда в современном обществе (см. Kilkey et al. 2014). При этом значимость ОД для мигрантов может снижаться в силу ослабления связей с семьей и детьми из-за больших географических расстояний, но может и усиливаться благодаря укреплению отцовского авторитета через повышение экономического статуса. С другой стороны, с усилением феминизации миграции из Украины сформировалась когорта мужчин, вынужденных принимать на себя ответственность за семью, детей и менеджмент домохозяйства. Часть из них успешно осваивают новую ролевую модель «активного отцовства», хотя многие соглашаются практиковать ее только до тех пор, пока матерей нет дома. Другие, напротив, оставаясь дома на хозяйстве, соглашаются воспитывать не только собственное потомство, но даже приемных детей своих жен, появившихся на свет в результате фрагментированного стиля жизни транснациональных семей. Трансформации института отцовства, происходящие в этих семьях, можно определить как «фамилизацию мужчин» (Holland 1970) и «активизацию отцовства». Однако, как показывают результаты данного исследования, выполнение мужчинами домашней работы как феминизированной, непрестижной, незаметной и неоплачиваемой* приводит к девальвации статуса отца и понижению ОД в семьях, где представители мужского пола не имеют возможности выполнять свои традиционные функции.

Отцы еще одной группы из транснациональных семей не находят себе применения в условиях инверсии «гендерного контракта», осваивая роли иждивенцев или скатываясь в асоциальность. Некоторые из них используют финансовое лидерство своих супругов, чтобы шантажировать их, зарабатывая на собственных детях и женах как социальные, так и финансовые ОД. Возникающие в результате отъезда жен на заработки проблемы мужчин на личном и социальном уровне (алкоголизм, иждивенчество, вымогательство) свидетельствуют об эффекте «девальвации маскулинности» в семьях этой категории,

---

* Об этом см. подробнее (Толстокорова 2014).

подтверждая распространенное мнение, что движение за равноправие полов в постсоветских обществах привело к понижению статуса мужчин (Тартаковская 2010; Ashwin, Lytkina 2004).

Следует отметить, что новые практики родительства и гендерные изменения института отцовства под влиянием международной мобильности не остаются незамеченными украинским обществом. На уровне гендерной политики в конце 2000-х гг. произошел «поворот к отцовству» в общественном дискурсе, начали предприниматься государственные меры для поддержки «ответственного отцовства», усиления роли мужчин и укрепления их авторитета в семье (см. подробнее Tolstokorova 2012). Это дает основание надеяться, что культурный сдвиг в направлении отцовства станет предпосылкой для формирования новой «культуры отцовства» (LaRossa 1988) в украинском обществе на основе процесса «модернизации института отцовства» (LaRossa 1997), предполагающего трансформацию парадигмы «отцовской власти» сначала в парадигму «отцовского авторитета», а затем в парадигму «совместного родительства» (Castelain-Meunier 2005).

Литература

- Безрукова О.Н.* Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования, 2013, 11, с. 118–130.
- Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // Лабораториум, 2010, 3, с. 72–95.
- Веселкова Н.В.* Полуформализованное интервью // Социологический журнал, 3, 1994, с. 103–109.
- Городецький О., Шегда Н.* Стан сучасної української міграції в Італії: результати соціологічного дослідження // До світла, 2003, 8, с. 13–17.
- Гурко Т.* Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
- «Італійський синдром» і проблеми трудової міграції // Социальная научная сеть 06.03.2010. [http://www.science-community.org/node/1314#_ftnref1] (дата доступа 14.08.2012).
- Кичак О.* Закарпатки їдуть на заробітки за своїми чоловіками. Портрет сучасного закарпатського мігранта // Вся закарпатська правда, 17.10.2011. [<http://www.vsapravda.info/old/index.php/publikacii/8967-zakarpatti-idut-na-zarobitki-uslid-za-cholovikami-portret-suchasnogo-zakarpatskogo-migranta.html>] (дата доступа 20.04.2014).
- Климчук Г.И.* Трудовое рабство — перспективы украинских трудовых мигрантов-нелегалов // Сборник эссе о миграции «Миграционные проблемы в странах Западной Европы, Российской Федерации и других республиках СНГ». Фонд «АВО Хайматгартен», Одесса: ТОВ «Элтон», 2011. С. 29–34.
- Кон И.С.* Отцовство как компонент мужской идентичности. Материал к размышлению // Демоскоп Weekly, 2006, 237–238, 6–19 марта [<http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php>] (дата доступа 22.04.2014).
- Меньшова Н.* В борьбе за это // Эксперт, 2012, 42 (324). [<http://www.expert.ua/articles/18/0/9511/.html>] (дата доступа 15.04.2014).
- Мичко С.* У стані тимчасової смерті: шукаючи фінансового порятунку для своїх сімей на закордонних заробітках, українці здебільшого прирікають їх на знищення // Україна молода, 26.05.2011, 88, [<http://www.umoloda.kiev.ua/number/1886/188/67050/>] (дата доступа 20.04.2014).

Носырев И. Холостая экономика // Деловой журнал РБК, 5, 18.04.2012. [http://magazine.rbc.ru/2012/04/18/technology/562949983595588.shtml] (дата доступа 22.04.2014).

Понуркевич Н. Українські діти: іноземці мимоволі // Ратуша, 23.12.2004. [http://portal.lviv.ua/digest/2004/12/23/171938.html] (дата доступа 12.04.2014).

Проблеми дітей трудових мігрантів: аналіз ситуації. Київ, Український інститут соціальних досліджень ім. О. Яременка, 2006.

Сизова И.Л. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012, 15(1), с. 86–102.

Соціальне обличчя новітньої української трудової міграції: результати масового соціологічного опитування українських заробітчан в Італії. Львів: «Жіночі перспективи», 2003.

Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly, 2010. 425–426 [http://demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php] (дата доступа 15.04.2014).

Толстокорова А. «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики, 2012, 10 (3), с. 396–408.

Толстокорова А. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение, 2013а, 12(2), с. 98–121.

Толстокорова А.В. «Лучи света в темном царстве»: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение, 2013б, 5, с. 140–153.

Толстокорова А.В. «Хлеб наш насущный»: социальная значимость пищевых практик украинских мигрантов // Диаспоры, 2013в, 2, с. 208–230.

Толстокорова А.В. «Моя прекрасная няня»: наемный домашний сервис как новый вид репродуктивного труда в Украине // Современное общество и труд: сборник научных статей / Ред. кол. Р.В. Карапетян (отв. ред.) А.А. Русалинова, О.А. Таранова. СПб.: Издат. Центр экономич. ф-та СПбУ, 2014. С. 342–350.

Українцям слід подолати синдром патерналізму — експерти // Портал «Громадський простір». 15.04.2010. [http://www.civicua.org/news/view.html?q=1381841] (дата доступа 16.04.2014).

Хвистендаль М. Неестественный отбор // The Prime Russian Magazine, 2012, 1(10), январь-февраль.

Химович О.С. Еміграційна активність жіночого населення в Україні // Вісник Львівського унів-ту. Серія «Соціологія», 2008, вип. 2, с. 362–366.

Черницька Т. Жіноча міграція: зміна гендерних ролей. 19.04.2007. [http://fsb.net.ua/news.php?lng=ua&pg=72] (дата доступа 25.10.2007).

Шушпанов П. Зовнішня трудова міграція населення регіону: соціально-демографічний аспект (на матеріалах тернопільської області). Дис. .... канд. соц. наук. Київ: Ін-т соціальних та демографічних досліджень НАНУ, 2009.

Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991.

Ashwin S., Lytkina T. Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization, *Gender and Society*, 2004, 18, 2, pp. 189–206.

Beck U., Beck-Gernsheim E. *Distant Love*. Cambridge: Polity Press, 2013.

- Carlin J., Menjivar M., Schmalzbauer L. Central Themes in the Study of Transnational Parenthood, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, 38, 2, pp. 191–217.
- Coltrane S., Allan K. “New” Fathers and Old Stereotypes: Representations of Masculinity in 1980s Television Advertising, *Masculinities*, 2, 4, 1994, pp. 43–66.
- Connell R.W. *Masculinities*. Cambridge, Polity Press; Sydney, Allen & Unwin; Berkeley, University of California Press, 1995.
- Castelain-Meunier Ch. Flexibilité des identités et paternités plurielles. Paternité: bilan et perspective, *Enfances, Familles, Générations*, 2005, 3. [<http://www.erudit.org/revue/efg/2005/v/n3/012532ar.html>] (accessed 12.03.2010).
- Greig A., Kimmel M., Lang J. Men, Masculinities & Development: Broadening our work towards gender equality, in: *Gender in Development Monograph Series*, 2000, 10.
- Hibbins R., Pease B. Men and Masculinities on the Move, in: *Migrant Men. Critical Studies of Masculinities and the Migration Experience*, eds. M. Donaldson, R. Hibbins, R. Howson et al. Routledge, New York, 2009.
- Holland D. Familization, Socialization, and the Universe of Meaning: An Extension of the Interactional Approach to the Study of the Family, *Journal of Marriage and the Family*, 32(3), 1970, pp. 415–27.
- IOM. Trafficking of men — a trend less considered. The case of Belarus and Ukraine, in: *IOM migration research series*, No 36. Geneva: International Organization for Migration, 2008.
- Kaczmarczyk P. Money for Nothing? Ukrainian Immigrants in Poland and their Remitting Behavior, *IZA Discussion Paper*, No. 7666. October 2013, Bonn: IZA, 2013.
- Kiley D. *The Peter Pan Syndrome: Men who have never grown up*. London: Corgi Books, 1984.
- Kilkey M., Plomien A., Perrons D. Migrant Men’s Fathering Narratives, Practices and Projects in National and Transnational Spaces: Recent Polish Male Migrants to London, *International Migration*, 52(1), 2014, pp. 178–191.
- LaRossa R. Fatherhood and Social Change, *Family Relations*, 1988, 37(4), pp. 451–457.
- LaRossa R. *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Lister R. *Citizenship: Feminist Perspectives*. London: Macmillan, 1997.
- Parreñas R. S. Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families, *Global Networks*, 2005, 5(4), pp. 317–336.
- Parreñas R. S. Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2008, 34(7), pp. 1057–1072.
- Pribilsky J. «Aprendemos a convivir»: conjugal relations, co-parenting, and family life among Ecuadorian transnational migrants in New York City and the Ecuadorian Andes, *Global Networks*, 2004, 4(3), pp. 313–334.
- Schmalzbauer L. *Striving and Surviving: A Daily Life Analysis of Honduran Transnational Families*. New York: Routledge, 2005.
- Tolstokorova A. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine, *The Anthropology of East Europe Review (AEER)*, “Gender in Postsocialist Eastern Europe and the former Soviet Union”, 2010, 28(1), pp. 184–214.
- Tolstokorova A. Mosaic model of gender democracy in Ukraine, in: *Gender, State and Politics in Ukraine*, eds. O Hankivsky, A. Salnykova. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2012, pp. 29–53.

Толстокорова А.В. «Папы всякие нужны»...

UN-INSTRAW. *Gender, Remittances and Development: The case of women migrants from Vicente Noble, Dominican Republic*. Santo Domingo, 2006.

Wall G, Arnold S. How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood, *Gender in Society*, 2007, 21, pp. 508–527.

Worby P.A., Organista K.C. Alcohol use and problem drinking among Mexican and Central American im/migrant laborers: a review of the literature, *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 29(4), 2007, pp. 413–455.